

Ю. М. КОНОРСКИЙ

Павлов — ученый и человек

Я хочу рассказать некоторые мои воспоминания о Павлове, которые относятся к тому времени, когда я работал с ним в начале 30-х гг. Если какой-либо человек достигает таких значительных успехов, как Павлов, и оставляет после себя наследство, столь же значительное как по величине полученных данных, так и в идейном отношении, то мы, естественно, заинтересованы узнать, как и каким образом он это совершил, чтобы понять, каковы же были психофизиологические особенности этого человека, которые обеспечили ему возможность таких достижений? Конечно, он всеми был признан гением. И те, кто не имел случая даже встречать его, могли читать о нем и знать о его деятельности. Еще более значительным является то, что первое впечатление от встречи с ним не исчезало и не выцветало, когда кому-нибудь приходилось узнавать его лучше, как это часто бывает при знакомстве с великими людьми.

После работы у Павлова в течение двух лет я все еще чувствую к нему то же восхищение, которое он вызвал у меня, когда я встретил его в первый раз. И даже больше — это восхищение выросло и стало глубже. И другие люди, которые работали с ним, говорили мне, что они испытывали те же самые чувства к Павлову. Но сказать просто, что он был гением, это означает применить «интеллектуальное сокращение» для того, чтобы бросить общую идею, характеризующую его достижения, и выразить этим все то, что было им сделано для своих современников. Ибо слово «гений» ничего не объясняет, не объясняет, как была произведена его работа и в каких особых качествах сокрыта тайна его уникального положения в науке.

ИСКУССТВО ХИРУРГА

Чтобы начать с освещения одного из его наиболее поражающих свойств, я хотел бы напомнить, что он был блистательным хирургом. К несчастью, я имею сведения об этом из вторых рук. К тому времени (1931), когда я приехал к нему работать, он почти прекратил производить операции сам. Однако мне рассказывали, что следить за его работой во время операции было необычайно интересным жизненным опытом. Его хирургическая четкость, стиль и безошибочная точность были изумительными, но затрудняли работу с ним ассистентов во время какой-либо операции. Прежде всего он оперировал левой рукой, что было весьма неудобно для ассистента (оперируя, Павлов с одинаковым искусством владел обеими руками, а писал он правой рукой).

Другой фактор, который делал работу с ним трудной, — его быстрота. Ассистенты просто не могли поспевать за ним. Это вызывало в нем вспышки раздражения, гнев, и в этот момент его ассистенты превращались в нервных, неуравновешенных и неловких. Я читал в воспоминаниях о Павлове, что однажды, когда он демонстрировал довольно сложную операцию на желудке (операцию так называемого павловского желудочка) в присутствии одного иностранного гостя, то тот думал, что Павлов проводит начальную фазу операции, а в действительности оказалось, что она была почти закончена.

Некоторое представление о его хирургическом искусстве, которое он обнаружил еще в самом начале своей научной деятельности, можно получить из того факта, что открытие им секреторных нервов поджелудочной железы ожидало своего подтверждения многие годы, хотя сам Павлов демонстрировал это своим студентам.

Конечно, для физиолога хирургическое искусство чрезвычайно важно, потому что оно позволяет ему реализовать свои идеи. Мы знаем определенно, что многие из достижений Павлова были обусловлены его хирургической техникой, особенно в первой фазе его исследований, когда он работал по пищеварительным железам.

СПОСОБНОСТЬ К РАБОТЕ

Важной чертой личности Павлова была его необыкновенная способность работать. Казалось, что он был совершенно неутомим. Все исследования, проведенные в его лабораториях, где

было занято несколько десятков исследователей, производились не только под его непосредственным руководством, но также и при его личном участии.

Однажды он сам сказал: «До 75 лет я не знал, что такое быть утомленным», и я убежден, что эта фраза не была преувеличением, так как их он не любил.

Другим свойством была его изумительная память. Я не знал, уменьшилась ли в связи с возрастом сила его памяти в 1931 г., когда я узнал его, но знаю, что даже тогда он имел несравненно лучшую память, чем кто-либо из людей, работавших с ним. Он помнил имена и отчества всех своих настоящих и прежних учеников (как достижением памяти он временами был склонен этим даже похвастаться), клички всех собак, на которых ставились опыты, и даже отдельные опыты на каждой собаке. Он мог припомнить все, что когда-либо слышал или видел. И в любом случае он точно вспоминал то, что ему было угодно, что он хотел вспомнить. Он не делал записей, но в нужный момент мог возобновить в памяти данные из протоколов своих опытов или опытов учеников, которые, казалось, были похоронены: он был способен вернуться к ним в определенное время, когда присутствовал на каком-либо опыте и следил за его ходом. Я убежден в том, что он один был способен охватить всю картину исследовательской работы, которую проделала его школа, и хранил в своей памяти изумительное количество фактов.

СВОЙСТВА ЕГО УМА

Эти необыкновенные и существенные свойства Павлова и определили его успех на научной арене, но они сами по себе недостаточны, чтобы отразить наиболее важные свойства его гения. Здесь все еще остается нечто большее, значительное, нечто необычайно трудное для определения, которое из-за отсутствия более точного слова мы могли бы назвать свойствами его ума.

Разум Павлова был необычайно богатым и многосторонним. Хорошо известно, что работы, проделанные его многочисленными учениками, были вдохновлены и руководились его мыслями и идеями — этот факт всегда с признательностью отмечался в статьях и работах его учениками. И его собственные статьи и лекции всегда носили отпечаток его личных концепций, гипотез и синтезов, некоторые из них образовывали основу для совершенно новых линий исследований, которые были предприняты позже его последователями. И все же весь этот печатный мате-

риал представляет собой лишь часть того, о чем он думал и говорил.

Богатство идей, живость его мысли, его необычайное видение в науке и изобретательность — все это могло быть воспринято наиболее полно теми, кто вступал с ним в контакт и имел возможность слушать его или беседовать с ним. Он всегда был готов к дискуссии, и в тот момент, когда не был занят на опытах, Павлов охотно обсуждал проблемы, связанные с экспериментальной работой лабораторий, или более общие вопросы, такие как потенциальная сфера и практическое применение учения об условных рефлексах. Эти дискуссии являлись ежедневным обычаем жизни его лабораторий — они рождали высоковозбуждающую атмосферу для коллективного труда и давали каждому удовлетворение в сознании своего участия в работе этой школы как целого.

Павлов пришел к своим открытиям благодаря процессу, который Ньютон назвал «непрерывным думанием над предметом». Скромность этого определения может внушить мысль, что любой человек, кто тренировал себя путем упражнения своих умственных способностей к «непрерывному думанию», может делать это по своей воле. Конечно, это не так, ибо непрерывное думание о каком-нибудь вопросе является столь трудным процессом, что многие люди, если не большинство, не способны этого делать.

Я применил это выражение в отношении Павлова, хотя думание для него было нечто иное, что не всегда помогало ему работать: это была страсть, которой он не мог противостоять, и эта страсть нагнеталась, потому что думание приходило к нему в виде новых идей так непринужденно и было так плодотворно, что, применяя его собственное выражение, оно «было его постоянным существом», подкрепленное положительными результатами его открытий.

Для Павлова характерно то, что он не любил нерешенных проблем и желал найти скорее временное решение, чем не иметь никакого ответа. Было очень интересно следить за тем, как он постепенно модифицировал и развивал свои идеи, пока они не начинали его удовлетворять. И здесь, если позволительно отклониться от темы, я хотел бы рассказать об одном эпизоде, очевидцем которого я был сам. Одна из сотрудниц Павлова, женщина, не отличавшаяся особенно критическим умом, пришла однажды к нему за объяснениями в связи с опытом, который она провела. Павлов, в этот момент занятый чем-то другим, попытался избавиться от нее, высказав, очевидно, неправильное и даже не-

сколько наивное суждение. Позже, когда он обсуждал с нею ее опыты, она процитировала его «объяснение». Павлов рассвирепел и спросил: «Кто сказал вам такой вздор?» — затем расхохотался, когда он узнал, что этот «вздор» был его собственными словами. Павлов обнаруживал большую эластичность ума при создании новых концепций. Он был готов признать ошибки и отрекался от идей, даже если они были дороги ему, когда убеждался в их необоснованности. Даже если он пылко защищал какую-либо концепцию и оказывалось, что он ее трактовал догматически, то никогда не утрачивал присущую ему способность к самокритике и даже к скептицизму.

Он мог рассматривать себя и свою школу как разведывательный отряд и был способен говорить, что в отношении некоторых проблем «мы еще слишком грубы» и «другие исследователи должны пытаться решать их». Это и было причиной того, что он любил видеть своих учеников идущими своим собственным путем и отклонившихся от обычаев его школы. Он знал, когда их следует подвергнуть острой и неистовой критике. И поскольку его школа была сконцентрирована, он обозревал ее всю, и поэтому всякая работа, опубликованная под его руководством, оставалась в гармонии с его учением.

Я вспоминаю заседание, на котором известный советский гистолог атаковал теорию Павлова о локализации функций в коре на основании современных гистологических данных. Павлов защищал свою теорию с необычайной энергией, безжалостно разрушая аргументы своего оппонента. Казалось, что он убедил свою аудиторию, что эти контраргументы, которые он выдвигал, были неопровержимы. Но хорошо его знавшие были убеждены, что Павлов не забудет возражений и обвинений своего оппонента. И действительно, когда на одной из своих недельных конференций он прочитал свою статью об условных рефлексах (предназначенную, я думаю, для энциклопедии), там не было ничего о локализации функций в коре. Когда Павлова спросили, почему он ничего не написал о своей теории локализации, он ответил, что в этой статье хотел бы иметь дело только с предметом, в котором абсолютно уверен, эту же теорию не считает достаточно доказанной, и процитировал возражения гистолога, с которым он так ожесточенно спорил.

Этот дар самокритики в сочетании с силой его творчества обеспечили ему способность рассматривать проблемы с таких разнообразных сторон, что все его научные предположения и гипотезы имели дух необычайной мудрости.

Он имел дар откровенности, его сжатая речь, воодушевленная энтузиазмом, пронизывала его беседы. Он ненавидел употребление слов ради успокоения или для того, чтобы обеспечить больший эффект. Однажды он сказал одному своему наиболее болтливому ассистенту: «Вы находитесь во власти слов». Речь Павлова была свободна от повторений, столь характерных для людей в годы их успеха.

Естественное обаяние Павлова, любовь к научной деятельности, которая излучалась его цельной личностью и заражала других его собственным пылом, его мудрость и простота — все эти качества давали ему необычайную власть над всеми, кто вступал с ним в контакт. К этим качествам мы должны прибавить еще и талант учителя, и дар администратора, которые обеспечили возможность координировать работу многочисленных сотрудников и создать единственное в своем роде монументальное сооружение — его школу.

ПАВЛОВ-ЧЕЛОВЕК

Я попытался коснуться наиболее характерных черт разума и личности Павлова, которые, по моему убеждению, сделали его гениальным человеком. Я не имею никаких иллюзий о том, что эти черты слишком далеки от полноты и что существуют многие грани его сложной личности, о которых я не упомянул. Я также отдаю себе отчет в том, что то полотно, на котором я эскизно попытался нарисовать портрет этого великого ученого, может оказаться несколько односторонним, так как я мало внимания уделил Павлову-человеку. Я боюсь, что для меня эта задача совершенно не по силам. Я хотел бы только добавить, что из всех черт, которыми я был восхищен в нем, наиболее привлекали меня его гуманность и простота. Эти качества обнаруживались во всем, что бы он ни делал, — выражал ли он сомнения относительно своей собственной деятельности или сиял энтузиазмом и динамической верой юности, после того как были получены неожиданные результаты, или когда он давал место своей слабости, сварливо и упрямо отстаивая свою точку зрения, и признавал ошибку, только когда остывал.

